

Тайна буланого коня

Владимир Чёркин

18+

Владимир Чёркин
Тайна буланого коня

«Автор»

2025

Чёркин В. П.

Тайна буланого коня / В. П. Чёркин — «Автор», 2025

Эта книга включает в себя лирические рассказы о быте простых людей, о любви и счастье, о детях и родителях. А также загадки, басни, эпиграммы.

© Чёркин В. П., 2025

© Автор, 2025

Владимир Чёркин

Тайна буланого коня

Глаза отца...

По весенней грязной дороге, где по краям лежал изъеденный туманом и солнцем серый снег, шёл мальчик. В длинном, на вырост, пальто и старой шапке. На валенки были надеты калоши.

Вытирая рукавом слёзы, он шептал:

– Так и скажу: папка, пошли домой! А то всё время меня обижают, зовут сиротой. И мамка всё время по тебе скучает, плачет. А недавно мама тоже меня сиротой назвала за то, что я дяде Васе в рот заглядывал.

Дядя Вася – мужик из соседнего села – часто приходил к ним в гости. Как-то не сложились у мальчика отношения с дядей Васей. Большой и громогласный, он приносил с собой в дом холод и запах водки. Ещё он так громко ел щи, что казалось, будто кто-то рядом месит глину на печку или ходит по жирной грязи в больших калошах. Дядя Вася, в свою очередь, тоже недолюбливал мальчика, потому что тот почти всегда был дома.

Когда гостя не было, мать садилась у окна вязать. В её разбитых работой руках, как крылья совы, мелькали на спицах крылышки пухового платка. Она пела заунывные песни о неудавшейся жизни, о несчастной доле и плакала.

Сердце мальчика сжималось от жалости к матери и себе. Ведь он тоже считал себя несчастным, так как жил без отца. У друзей же отцы были, и пацаны гордились родителями, рассказывали о них. А ему нечего было рассказать. Но была у него одна тайна про отца, о ней он никому не говорил... Однажды, когда его обозвали сиротой, он прибежал к матери, которую, как всегда, застал за вязанием, уткнулся ей в колени и, всхлипывая, спросил:

– Мама, почему у меня нет отца? Я сирота?

Мать положила на окно вязание, взяла его обеими руками за голову, поцеловала в лоб и, жалостливо глядя в глаза, сказала:

– Ну какой ты сирота? У тебя есть живой отец. – И прижала его к груди.

– А где... где же он?

– Он живёт рядом, за бугром. В селе Вязовое.

– А какой он? – обрадовался мальчик.

– Да как тебе сказать... Круглолицый он, как солнце, и глаза у него, как небушко, синие-синие. Ты на него похож. Посмотришь в зеркало – ты копия отца.

– А почему он не живёт с нами?

– Вернётся... У нас жизнь с ним не пошла. А тебя он любит... Беги, играй.

Мальчик выбежал во двор и поднял голову: на синем небе светило яркое солнце. Мальчик попытался глянуть на него, но сразу же словно ослеп от белого-белого света. Зажмурился, но и с закрытыми глазами чётко видел лицо отца. Ведь не зря он подолгу смотрелся в зеркало.

– Папка, – прошептал он, принимая с благодарностью горячие лучи на свою нежную кожу, – какой ты у меня добрый! – И радостно побежал обратно к ребятам.

С тех пор когда товарищи говорили о своих отцах, он глядел на солнце и, греясь в его лучах, шептал: «У меня тоже есть папка. И он очень хороший и добрый».

Однажды дядя Вася нанёс очередной визит. Был он в кожаном пальто и хромовых сапогах. Белый шарф небрежно окутывал шею, а чёрный чуб охранял его голову от весеннего холода. Когда-то красивое лицо было теперь обрюзгшим, темнели круги под глазами и пахло от него перегаром.

– Поговорить я пришёл, Наташа.

Мать заметалась. На столе появилась бутылка самогона, солёные огурцы, помидоры. Из русской печи ухватом выдернула котелок с наваристыми пахучими щами.

– Пить не буду, а щей вот налей. С утра ни крошки во рту не было.

– То-то, без жены... голодный.

– А вот об этом и пришёл потолковать, Наташ.

– Ты ешь, ешь, – смутилась мать и налила ему щей, в которых лежал большой кусок мяса.

– Нет, я всё-таки выпью ради такой встречи – разговор серьёзный.

Зачерпнул ложкой щи.

– Ух ты! – задохнулся дядя Вася. – Думал холодные. Вроде не парят, а как кипятки. Ух!

– Сало сверху, вот они и не парят. А ты дуй, губы-то есть, Васенька. – Впервые мать назвала гостя так ласково.

А мальчику вдруг стало смешно. Васенька барабаном надувал щёки и, выпятив губы, дул и дул на ложку. И вот-вот должны были последовать громкие знакомые звуки. И мальчик рассмеялся.

Дядя Вася отложил ложку, сердито посмотрел на мальчика и сказал:

– Ты вот хороша, Наташа, а довесок у тебя невоспитанный. Меня родитель учил при чужих за стол не садиться. Я тележного скрипу боялся! А твой чуть ли не на стол угнездился, да ещё в рот мне заглядывает. Вот что значит безотцовщина, сирота.

– Может, ты тоже поешь? – тревожно спросила мать.

– Не буду есть щи! – обиженно сказал мальчик.

– Это почему же? – удивился дядя Вася.

– Почему? – спросила мать.

Месть пришла неожиданно. Мальчик даже сам не понял, как у него это получилось:

– А во щях тараканы, вот! Дядя Вася только что проглотил здорового прусака. Вот такого!

Гость вытаращил глаза на лоб, закрыл ладонью рот и кинулся на улицу. Было слышно, как он долго и утробно рыгал. Вернувшись, он одел кожу, обмотался белым шарфом и молча удалился.

– Где ты увидел таракана? – как-то обречённо спросила мать.

– Нигде... А чего он меня сиротой обозвал?

– Ах ты, сирота, сирота несчастный! – запричитала она и прижала его голову к груди.

– Не трожь меня! Не надо! – закричал он.

Мать села на лавку и заплакала:

– Что ты наделал? Человек пришёл, может, жениться хотел. Вон какой нарядный... Судьба, может... А ты – тараканы во щях! Эх ты, глупый! Правда что сирота.

– Я не сирота!

Он накинул шапку, пальто, сунул ноги в валенки и пошёл в соседнее село. Весенний ветер бросал ему в лицо крупу. «Я приведу отца домой. Пусть не знаю, где он живёт, но у людей узнаю, и никто не скажет мне больше, что я сирота», – гудело у него в обиженном сердце.

Поднявшись по дороге на бугор, он нос к носу столкнулся с дядей Гришей, своим соседом, бывшим хорошенько навеселе.

– Виктор, куда это ты?

Мальчик остановился, всхлипнул и, вытирая от слёз глаза, сказал:

– К отцу. Приведу его домой.

– К отцу-у-у, – протянул дядя Гриша. – А ты уверен, что он пойдёт?

– Пойдёт, он меня любит.

– Так-то оно так, сынок, только не ходил бы ты к нему, не рвал бы себе сердечко: пригодится ещё. Придёт он сам, вот увидишь.

– Нет, я пойду.

– Ну, раз решил, отговаривать не буду. Может, что и получится... Да ты знаешь, где он живёт-то?

– Нет.

– Да вот отсюда, с бугра, его большой дом виден. Вон видишь синий фронтон и на крыше петух? Это его дом. Иди, дитяtko, дай Бог тебе удачи!

Мальчик бегом побежал по дорожке, которая спускалась к дому. В груди у него всё пело, дух захватывало от радости, что сейчас он увидит отца.

Подбежал к палисаднику: во дворе играла девочка.

– Ты к кому? Ко мне... играть?

– Нет, я к папке, позови его.

– У нас нет твоего папки, у нас мой папка.

На крыльцо вышла женщина в фуфайке и сапогах.

– Варя, иди домой! – строго крикнула она. – Мне на ферму коров доить надо. Закройся и из дома не выходи. Кому я говорю!

Девочка юркнула в дверь.

Подойдя к изгороди, женщина тихо сказала мальчику:

– Отца, смотрю, захотел? Нет у тебя отца! Он мой муж и отец Вареньки. А твоя мать неизвестно где нагуляла тебя. И у тебя никогда не будет отца. Иди отсюда!

Нечаянно или с умыслом она толкнула мальчика, и тот упал на грязный снег. И рухнуло небо. И снова широко открытыми глазами он посмотрел на слабый свет мартовского солнца. Сегодня у него были безучастные и холодные глаза...

НАКОЛДОВАЛ

Мы, молодёжь, не любили его: считали чересчур жадным и практичным. Если нас посылали разгружать щебёнку, то мы вчетвером разгружали одну платформу. Он один делал это. Мало того, он покупал у нас нашу дневную работу, говоря нормировщику, что две платформы разгрузил. На наш вопрос, зачем ему это нужно, отвечал: «Пенсия будет больше, раз зарплата больше».

Раз я калымил с ним один. Он работал надсадно, с хрипом. Когда разгружал гальку с платформы, то лопата входила под гору щебёнки с шипением: "Ш-ш-ш", иногда с визгом. А он – через колено лопату рычагом, и с неё за низкий борт сперва летела глыба, а потом она разлеталась хвостатой кометой, со стуком и шипением падая вниз на горку щебня. И слышалась песня:

Я Мотаню раз-мо-та-ю, посажу её в кiset.

Ты сиди, сиди, Мотаня, не гляди на белый свет...

– Семёныч, отдохни, – бросил я с другого конца платформы, сидя на борту и видя, как он, не переставая, пашет от души, а кучерявые волосы его взмокли и прилипли ко лбу. – Ну и загребастый ты! Хочешь все деньги забрать, – упрекнул его, потому что он на "колыме" отметил, кому сколько выгружать. Себе взял три четверти, а мне одну. Я не обижался на него, ведь всех денег всё равно не огребёшь.

– Будешь загребастым, их у меня четверо, наколдовал себе на шею... – остановился он, опёршись о лопату.

– Как это – наколдовал?

– А вот так! Жену видел мою – Валю? Она у меня такая красавица! А заполучил я её колдовством. Познакомились мы с ней, месяца три я ходил вокруг неё да около. Всё хотел охомутать, влюблён в неё был по уши, но женщина оказалась скалой неприступной. А тут предложила она сходить за грибами, ну я с радостью и пошёл. Иду с ней, природой люблюсь.

В редколесье прижилась октябрьская пора. День не по-осеннему, а по-летнему тёпл. Но макушку греет, а в тени лицу холодно. Паутина серебристыми нитями плывёт в пахнущем преющими листьями лесном воздухе. Нечастые деревья со старыми стволами, окутанные мхами и лишайниками, закоптылись грибами трутовиками. С северной стороны деревьев грибы, особенно старые, налились водой, уже похожи на застывший студень. А мне, по правде сказать, грибы были не нужны. Грибы хотела собирать Валя, я же надел длинный тёплый плащ и мечтал о том, как я буду обнимать её в лесу, там, где тишина и покой.

Так вот, пока она искала грибы, я продолжал наслаждаться видами редколесья.

Некогда зелёная скатерть земли пожухла и стала серовато-закопчённой. Лишь деревья, то багряными клубами пламени, то зеленовато-дымчатыми шарами выбрасывая всполохи густо-жгучего огня, ещё жили и словно хотели согреть всю округу. Но уже рубиновыми гроздьями загорелась калина, сбрасывая красными гусиными лапками листья. А рядом, будто в бездонную синь океана, плавно опускался на землю лист тополя, похожий со своим длинным черешком на ската с хвостом. И всё-то я замечал, и всё-то входило в душу.

Природа-то природой, но больше смотрю на женщину, к которой так хочется жарко прикоснуться.

– Давай сядем, – говорю я ей. Валентина смотрит на меня, лукаво улыбаясь. По моему телу идёт дрожь: – Ты хочешь присесть?

– Грибов ещё не набрали.

– Да успеем ещё набрать, их тут, наверное, тьма.

– Ладно, отдохнём, – согласилась она.

Я взмахнул плащом, и он, словно огромная птица, раскрывшись, опустился на землю. Прилёг. Валя села рядом. Потом прилегла на локти и смотрит мне в лицо. А в её глазах, улыбочивых, сливающихся от близости ко мне, и лукавство, и все блага мира. Она понимает, для чего я пригласил её присесть. Настроена игриво и всё хочет меня подразнить. Пальцем разглаживает мои морщины на лбу и шутя говорит:

– Это волны мыслей в твоей голове. А я знаю, какие мысли, сейчас я их разглажу и успокою.

Я обнимаю Валу, притягиваю к себе. Она начинает сопротивляться, и я тут же отпускаю её.

– Ну ты что, Валь?.. – шепчу я.

– Не к месту и не ко времени, – отвечает. – Ишь, какой ты скорый. Без году неделя знакомы, а уж хозяином почувствовал себя... Пойдём грибы собирать. А об этом и не думай.

Встала она и пошла. Я тоже поднялся и понуро поплёлся за ней. Мир лесных октябрьских красок тотчас исчез для меня, поэтому шёл сердитый и всё на неё злился: «Не поддавалась, как будто сахарная, растает». Сердечко заныло: «А ну-ка совсем отошьёт».

Она же косилась на меня и загадочно улыбалась. Иногда бросала многообещающие взгляды, от которых моё сердце замирало.

– Ну что ты не ищешь грибы? – спрашивает меня.

– Ищу, – бурчу. – Но их здесь нет.

– Люди откуда-то вчера несли.

– Значит, с другого места.

– С этой стороны, – уверенно говорит она.

Я ещё раз оглядываю местность и твёрдо решаю, что грибов здесь нет: всё закоптыли коровы. Только видны тронутые осенней прохладой зелёные кулижки травы: их немного, но они находятся довольно далеко друг от друга. Валя идёт, смотрит под ноги, и я топчусь за ней.

Уставшие, мы подошли к кулижке невысокой набитой травы. Почему-то везде была трава. Неожиданно впереди идущая Валя остановилась и сказала: "Смотри, змея".

Поодаль от нас лежала переливающаяся всеми цветами радуги змея с каким-то знаком на голове. Ну до чего ж она была завораживающе красива, греющаяся в лучах ещё тёплого солнца!

– Ах ты, змеюка! Да я тебя сейчас палкой зашибу, – сказал я и поднял валявшуюся под ногами палку. Змея направила голову на нас, выбрасывая свой раздвоенный язычок. – Ах ты, зараза такая, тяпнуть хочешь? – шагнул к ней.

– Не надо, – остановила меня рукой Валя. – Не видишь, как она красива? И шкура у неё, как полированное дерево, так и блестит. Не иначе это царица змей. Давай лучше попросим у неё грибов, – предложила она.

– Ты выдумашь! – сказал я тогда. – Ну если хочешь, проси, а я от греха подальше...

– Змейка, змейка, дай нам грибов!

– Прочь отсюда, – сказал я и потащил Валу за руку, – а то ещё укусит.

Не прошли мы и десяти шагом, как нам попалась целая деланка грибов.

– Ну вот, видишь, змейку попросила, защитила от тебя, она нам и грибов дала. Она царица змей, хозяйка здешних мест. Я у неё даже корону на голове видела.

– Корону, говоришь? – улыбнулся я. – Да, что-то на голове змеи сверкало, но это не уж, это – гадюка.

Вскоре Валя набрали полуведёрную сумку грибов, и они закончились. Я уже посматривал на лежащую змею, боясь, что она, согревшись, станет активной и, чего доброго, укусит.

Потом я отвёл взгляд от деланки и стал улыбаться. У меня созрела мысль.

И, глядя на змею, встал на колени поближе к ней, тень холодила её, всё-таки я боялся её и выпалил слова из известного мультфильма: "Мы с тобой одной крови". И начал нести-бормотать всякую тарабарщину. Потревоженная змея сначала вскинула голову с раздвоенным язычком, потом легла и поползла от нас, изгибаясь в ямках.

– Спасибо тебе, – сказал я ей вслед и глянул на Валентину.

– И за что ты ей сказал "спасибо"?

– Она сказала, что грибы есть: ты, мол, поколдуй на желудях и найдёшь их; а когда третий раз поколдуешь, то придёшь на это место и снова увидишь меня, и я подскажу, где ещё грибы найти.

– Ты скажешь!

– А если я найду ещё грибов, за это ты позволишь... с тобою... здесь?

Валентина покраснела, прыснула смешком и беспечно ответила:

– Ну если ты наколдуешь... и будут грибы...

– Согласна?

– Согласна, – рассмеялась она.

Я подошёл к дубу. Взял три жёлудя. Положил на ладони. Пошептал, пошептал и кинул на землю.

– О, пойдём теперь по направлению этого жёлудя, – предложил я, – там должны быть грибы.

Она шла за мной, улыбаясь, и удивилась, увидев грибы. А я тем временем осматривался вокруг: не видно ли ещё где грибов.

Женщины вообще-то народ дотошный:

– Пойди найди змею. Попроси ещё, у нас ещё ведёрная сумка есть.

Пришлось колдовать второй раз.

Я глянул. Всё вокруг истоптано, везде вдавленные коровьими копытами следы. Поеденная трава, и только маленький островок стоит чуть поодаль, весь зелёный.

– Идём, сейчас ещё найдём грибов, – сказал я.

Подойдя к одинокой ёлке, взял три шишки, пошептал и бросил. Соизмерил направление одной из них, которая носом лежала в направлении зелёной кулижки.

– Вот туда наш курс.

Вскоре мы подошли к кулижке травы.

– Тут должны быть грибы, – сказал я Вале. – Смотри, осторожно собирай, здесь где-то должна быть змея.

– А ты откуда знаешь?

– Так она сказала, где встретимся, и она, если надо, подскажет, где есть ещё грибы, – снова повторил я.

Валя вздрогнула, и, хоть на её лице было сомнение, она уже не улыбалась. В третий раз я бросил палку вверх, и как она легла, так я повёл уже взволнованную Валу к третьему кулижнику.

Действительно, грибов было столько, что мы наполнили и вторую сумку осенними опятами. Я не собирал, всё осматривался вокруг, боясь змей. И точно, увидел, как одна заползла в норку.

– Вон она, не обманула, пришла на встречу, – говорю я Валентине.

Грибы, змея... это так потрясло её, что она с удивлением уставилась на меня. И было видно, что она верит и не верит, столько у неё, съёжившейся, было суеверного ужаса в глазах.

– Что, грибы будем собирать?

– Нет, пойдём домой.

– А где обещанное? – чуть не взвизгнул я, почувствовав, что она не расположена со мной проводить время. – Не то сейчас спрошу у змеи, где ещё грибы есть.

Она ошалело глянула на меня:

– Нет, не надо, давай отойдём от этого места... Раз я обещала... куда деваться...

Мы обнимались долго.

А потом я смотрел на неё, такую счастливую, с шариками глаз цвета неба в белой платиновой оправе белков, с припухлыми синеватыми губами.

– Ой, что-то захорошело, наверное, я... – счастливо засмеялась она, а потом всплакнула.

– Ты чего? – спросил я.

– Так я в перспективе не тебя мужем видела, о другом думала. Да липучий ты. Вставай, пойдём, да сумки возьми, тоже мне муж называется.

Я обнял её, поцеловал. Она – меня. И мы пошли домой. Идя за мной, Валентина сгорала от любопытства:

– Ну ты скажи, наконец, – не выдержав, спросила она, – как ты места с грибами находил? Неужели колдовал?

Я остановился:

– Посмотри вокруг, всё истоптано коровами, следовательно, и грибов не должно быть. А видишь, зелёные кулижки? Здесь, в этих местах живут змеи, они отгоняют коров. Они, дурочки, боятся змей и обходят участок с желанной травой. А на них-то и растут грибы. Я об этом догадался. А все разговоры со змеями – это чепуха.

– А я-то думала, – и она счастливо и беззаботно рассмеялась.

– А ты думала, змейка нам дала?

– Ничего я не думаю, бери вторую сумку, колдун!

А через девять месяцев у нас родилась двойня, которую я наколдовал. А потом появились ещё двое, уже без колдовства. Вот и работаю, чтобы до ума их довести, на ноги поставить.

Он взялся за лопату:

– Ну давай, моя родная, наяривай, а я посмотрю...

И снова его лопата через колено сыпала без остановки щебёнку, как транспортёр. И неслась песня: "Я Мотаню размотаю..."

КАК ПИСАЛСЯ РАССКАЗ «НАКОЛДОВАЛ»

Это случилось осенью... Приехал я в своё родное село с матерью и сестрой повидаться. Вечером сели ужинать. Сестра угостила меня грибами и стала рассказывать:

– Совсем мало в этом году грибов. Ходили с мужем в те места, где они всегда бывали, – на поле. Но там коровы всё вытоптали. Наткнулись потом на одно место с грибами, но там змея нас чуть не укусила. День был осенний, но тёплый, вот она и вылезла на солнышке погреться. Муж хотел её палкой убить. Но она была такая красивая, переливалась всеми цветами радуги на солнце, что я сказала: «Не бей её! Она нам грибов даст!» Мне даже показалось, что у неё корона на голове красуется. Видно, недавно шкуру поменяла. Отошли мы от неё на десять метров и увидели грибы. Набрали сразу полведра. А потом, сколько ни искали, ничего не нашли. Но я поблагодарила мысленно змею за найденные грибы, и мы пошли домой.

– Да, интересный случай с вами произошёл! – подивился я, уплетая за обе щёки подаренные змеёй и засоленные сестрой грибы.

А потом я вышел подышать родным деревенским воздухом и увидел через соседский забор женщину, которая приветливо мне кивнула. Что-то знакомое было в ней. Я вспомнил, что когда-то был влюблён в неё и что зовут её Зина. В юности она была стеснительна, убегала от меня. Тогда у нас ничего не получилось. Потом она вышла замуж, чуть расплелась после родов, но взгляд её синих глаз остался такой же ласковый и открытый...

Вот и сейчас она без стеснения рассматривала меня.

– На чай меня не пригласишь? – игриво спросил я её после того, как поздоровался.

– Пригласила бы, да боюсь, муж узнает, – ответила Зина.

– А мы ему ничего не скажем, – настаивал я.

– При твоей настойчивости я бы не только чаёк с тобой попила... – неожиданно для меня ответила соседка и озорно улыбнулась.

– Ну так я этого и хочу! – воскликнул я радостно.

– Нет, ничего не получится! – сказала женщина, задумчиво глядя вдаль, и через минуту добавила совсем уж неожиданное: – Я не умею стонать во время любви, только при ссорах стоною.

– Так ты стони искусственно, – посоветовал я ей, вздрогнув от такого оборота разговора, и почувствовал, что она что-то недоговаривает.

– А я не умею искусственно, – с грустью сказала соседка и, прислонив руку к груди, неожиданно поклонилась мне.

Я не понял, что она хочет этим сказать, только понял, что она меня просто разыграла. Мне стало обидно, и я ушёл в дом. Но на этом дело не кончилось. Я решил ей досадить от обиды: урвать хотя бы не её любовь, а что-то, что принадлежало ей. Через забор свисали на сторону нашего двора ветки с сочными жёлтыми грушами. Я сорвал четыре штуки...

– Как не стыдно?! – услышал я за спиной голос сестры. – В детстве тебя за это в угол ставили. А теперь ты взрослый, а снова ворует чужие груши! Положи их сейчас же под грушу на соседский огород.

– Но ведь ветка к нам свисает! Какое же это воровство?! – пытался оправдаться я.

– Положи сейчас же! – настаивала сестра.

Я подчинился – положил груши, и пошёл домой.

– Твоя жена недавно звонила, – неожиданно сказала сестра. – Тебе надо срочно домой ехать.

– Да я только что приехал! – воскликнул я, а сам подумал: «Неужели она видела, как я клинышки к Зине подбивал?»

– Езжай, раз жена звонила! – категорично заявила сестра.

По её взгляду я понял, что она всё слышала, поэтому и гонит меня так быстро назад, к семье.

– Хорошо, уеду, но в следующий раз приеду не к тебе, а к маме, – ответил я зло и пошёл домой за сумкой с вещами, но сначала попрощался с матерью.

– Езжай-езжай! – кричала со двора сестра. – Нечего тары-бары разводить! Жена дома ждёт! В следующий раз с ней приезжай!

Я сел в свою машину, из соседнего дома вышла Зина в красивом платье и пошла вдоль дороги.

...У меня на душе было скверно: соседка отшила, с сестрой поссорился, мама тяжело больна и скоро её не станет... Я отъехал от дома, и на меня навалились тяжёлые мысли о матери. Я вроде бы её не обижал, но приезжал редко, да и деньгами не помогал, думал, что пенсии ей хватает. Я сердился на сестру, а о том, что она за матерью ухаживает, даже и не вспомнил. Вспомнил только, как попрощался с матерью. Мне показалось, что мама уменьшилась в росте. Она была сухонькая, маленькая, всё расспрашивала меня про семью и про моё здоровье. Когда я с ней говорил, моя грудь переполнялась теплотой и нежностью. И слёзы застилали мне глаза от мысли, что её скоро не станет... Потом я вспомнил, что сестра хочет маму к колдуну вести...

«Это не поможет, – подумал я. – Раз врачи отказались лечить, то и колдун не поможет. Жалко маму!» Тоска заполнила меня. Я успокаивал себя тем, что мама пожила на свете достаточно, но мне было всё равно грустно и больно за неё.

Мысль о колдуне привела меня к открытию: «Может, найти колдуна, чтобы заморозил Зину?» Неожиданно мне вспомнилась строчка из стихотворения Есенина: «Над твоими грёзами я и сам колдун...»

«А если сочинить рассказ, как я заколдовал эту женщину? – начал размышлять я. – В этом рассказе мужчина приглашает женщину в лес по грибы. Конечно, он заранее должен узнать грибные места. Она может не согласиться. Но тут мужчина должен заинтриговать женщину. Например, сказать, что грибы укажет змея. А когда они придут в лес, мужчина сделает вид, что он разговаривает со змеёй и просит её указать грибные места. Потом он возьмёт три жёлудя и бросит их в направлении грибов, а сам как будто забормочет заклинание. Потом он вместе с женщиной пойдёт в этом направлении, и они найдут грибы. Женщина, конечно, удивится и начнёт собирать их, а мужчина возьмёт шишки сосны и опять бросит их... И снова женщина соберёт грибы. Она будет потрясена, в её глазах покажется суеверный ужас. Тут мужчина и должен предложить ей свою любовь, а если она не согласится, сказать, что попросит змею ударить женщину молнией.

– Нет, не надо молнии! – воскликнет женщина и позволит мужчине любить себя».

– Какая глупость! – воскликнул я и начал размышлять дальше: «Чтобы получился хороший рассказ, надо ещё природу описать: кочковатое болото, где они нашли змею, из него выходит газ, который пузырится, вынося ил и грязь; словно стаи испуганных птиц слетают с деревьев листья и летают по лесу; огромные дубы стоят, как истуканы; берёзки в белых ситцевых сарафанах, как молоденькие девушки, разбрелись по лесу; ели в зелёных треугольных платьях машут подолами... Много чего можно придумать!»

Еду я дальше довольный, что придумал стеновой хребет рассказа, а потом добавлю мышц, мяса, жирка, страстей... Всё будет в этом мистическом рассказе. Главное – найти выход уязвлённому мужскому самолюбию.

Мой взгляд упал на сумку под ногами, я переложил её на другое место, она была тяжёлая. «Значит, всё-таки положила гостинцы сестра, – подумал я. – Наверное, пирог с грибами».

И опять мысль о грибах родила в голове вопросы: «Почему всё-таки только в одном месте на лугу были грибы? И почему там была змея?» Я вспомнил случай из своего далёкого детства, когда был подпаском при стаде коров.

Заползла однажды в стадо гадюка. Ползёт, сверкает на солнце. Корова на неё уставилась и замерла на месте, а та приподняла голову, высунула язык и как зашипит. Корова отскочила от

неё, подняв хвост, другие коровы тоже начали отступать назад... Стадо как будто разделилось на две половины. Я тогда подумал, что в этом месте у неё гнездо и она отгоняет коров от него. «Поэтому коровы там траву и не вытаптывали. Поэтому там и грибы росли. Вот это я открытие сделал! – радостно подумал я. – Надо рассказ об этом написать».

Я тронулся и через несколько минут догнал идущую вдоль дороги Зину. Она подняла руку – я остановил машину.

– Уезжаешь? – спросила грустная Зина. – Даже мой знак тебя не остановил. Это знак встречи и моей милости к тебе. Мне очень захотелось побыть с тобой наедине. Не подумай ничего плохого. Люди говорят, что ты стал писателем. Я хочу побыть с тобой и стать для тебя, как Анна Керн...

– Но я не Пушкин! – воскликнул я, но мне стало приятно.

– Да и я не Керн! Мы простые люди. Ну прощайте! Теперь уже, видимо, не увидимся больше. – Она снова прислонила руку к груди и поклонилась.

Я почему-то повторил её жест и кивнул на прощанье, сел в машину и поехал дальше. Доехал до магазина и остановился, чтобы купить хлеба и молока в дорогу. Тут ко мне неожиданно подошёл мужчина и спросил:

– Вы Чёркин? Угадал?

– Да, Чёркин, – подтвердил я.

– Я читал ваши рассказы, спасибо вам!

Я искренне пожал ему руку в знак благодарности, и тут на меня налетел друг детства.

– О, Володечка! Я на тебя в обиде, – закричал он. – Ты в свой прошлый приезд брату дал сто рублей на опохмелку, а мне не дал. Давай сейчас, и без разговоров! Ты мне должен. Помнишь, тридцать лет назад я тебе сто рублей дал, чтобы ты купил сцепление на мотоцикл?

– Так я тебе тогда купил! – удивился я.

– Купить-то купил, – ответил друг детства, – да оно не подошло.

– Так что же ты мне об этом тогда не сказал?

– Зачем было огорчать тебя?! А сейчас, будь добр, заплати.

Я заплатил, и мой друг детства подобрел, обнял меня искренне и сказал:

– Совсем ты старый становишься. Весь белый, да и я тоже. Ты знаешь, дай мне ещё твою книгу, моя жена читала одну и весь вечер мне бубнила: «Неужели это он написал?» Заставила меня читать. Я пробовал. Хреновина какая-то.

Я тоже искренне обнял его, на душе стало тепло, сердце растаяло. Попрощались мы, и я поехал дальше, так и не купив еды. По дороге всё думал о сюжете будущих рассказов про змею, Зину и грибы. «Получается, – размышлял я, – змеи не дают вытоптать коровам грибницу, потому что охраняют своё гнездо. Это интересно. Можно попытаться рассказ написать». И тут же у меня появилось сомнение.

«Надо же, открытие сделал! – иронизирую я над собой. – Для рассказа это не годится. Кому интересно это? Но надо попробовать».

Посмотрел я на озеро, мимо которого проезжал, и увидел, что оно всё в зелёных островках, а в воде солнце закатное купается... «Нет, – подумал я, – не так. Надо написать в рассказе образно: словно огромная красная рыба запуталась в сетях, бьётся в волнах упавший закат. Вот этот образ подойдёт для рассказа».

А дальше в моей голове пошло-поехало: «Вот ель стоит на ветру, тяжело ворочает своими зелёными лапами, клонясь стволом. Она как высокая стройная девушка в зелёном кимоно...»

Я подвожу итог, что рассказ о грибах, змеях и Зине написать стоит, может, даже три рассказа, но потом надо отдать их редактору. «Он подналяжет на своё профессиональное писательское перо, – размышлял я, – и начнёт «перепаживать» мои рассказы, и вывезет их, и запашет сорняки слов, и выровняет неровности текста, и углубит мои мысли... И тогда мои

рассказы, мысли в которых запутались красной рыбой в волнах купающегося заката, станут читаемыми, приобретут и красоту, и глубину, и смысл. Так мне этого хочется!»

Перед самым домом у меня вдруг возникает мысль вернуться назад.

– Ты что так скоро приехал? – с удивлением спросила жена.

– Я кое-что забыл, – отвечаю.

– Вечно ты всё забываешь... – заворчала жена.

Я иду в свою комнату, делаю вид, что ищу что-то, потом выхожу из дома и еду назад к сестре и маме. Но на самом деле я еду к Зине и мечтаю, что уговорю её пойти по грибы и своим колдовством потрясу её. И тогда...

– Что это ты вернулся?! – спросила сестра, окидывая меня подозрительным взглядом.

– Как мама? – почему-то спросил я.

– Мама ничего. А вот соседка взяла ребёнка и уехала к своей матери. Видимо, навсегда.

Допился её муж, семью потерял...

«Словно красная рыба запуталась в сетях...» – эта строчка из моего будущего рассказа долго звучала в моей голове по дороге домой. А ещё: «Над твоими грёзами я и сам колдун». Не получилось моё колдовство в жизни, но зато в рассказе получится обязательно.

ИСПОВЕДЬ

Всем умершим от голода посвящается

Однажды летом я шёл по степи, она цвела ковылём, словно русоволосая девушка волосы распустила. Прямо передо мной была круча, оскалившаяся, как зверь, клыками скал. Внизу была речка, которая летом была похожа на ручеёк – воробью по колено. Правда, в некоторых местах было глубоко. Эти котлованы река вымыла в полые воды. Под невысоким берегом сидел старик с удочками. Видимо, я нарушил его уединение, он смотал удочки, вылез из-под берега, и подошёл ко мне. У него была копна рыжих волос на голове и борода, похожая на муравейник с рыжими муравьями. О таких говорят: раз покрасился – и навечно. Я поздоровался. Он кивнул и протянул сухонькую ручку с просвечивающими через кожу синими сосудами, которые расплзались по пальцам, как дельта реки.

– Не припомню, – сказал он, внимательно разглядывая меня, – чей ты...

Я назвал, как принято у нас, по подворью.

– А!.. – протянул он. – Так ты писатель?

– Бумагу порчу, – ответил я скромно.

– А здесь чего? Родная сторонка потянула?

– Да, хотел сделать зарисовки своего родного края.

– Зарисовки... А хочешь, я тебе расскажу свою жизнь? Только ничего не скрашивай, пиши так, как есть. Пойдём, сядем вон у овражка.

На противоположном берегу рос чернобыльник. Он посмотрел на него и сказал:

– Спаситель наш. Пили мы отвар из него пять лет, когда в селе голод был. Сейчас мне уже десятый десяток пошёл, благодаря ему долго живу. А в тридцать третьем году... – Он умолк.

– Вы хотите сказать – тысяча девятьсот тридцать третий год?

– Да. Это было весной. Коровёнка, которую мы держались, обезножила зимой, потому что было мало еды для неё. Сперва мы её подвешивали на вожжах. Но так как сена у нас вообще не было, она приказала долго жить. И мы отправили её на скотомогильник. До сих пор не могу простить себе, зачем я это сделал. Я бы надолго сохранил жизнь семьи с помощью мяса коровы, но понадеялся на урожай. Семья у нас была большая – четырнадцать детей. Погреб был большой, и я его всегда полностью засыпал картошкой. Земля-то у нас – тучный чернозём, урожай давала хороший, лишь бы дожди были. Но в тот год уже к весне погреб был пуст – мы

всё съели. А я, дурачок, павшую корову отправил на скотомогильник, – снова повторил он. – Но была уже весна, и я надеялся на посеянный ячмень.

Я надумал нарвать шильца ячменя и накормить жену и детей. Но морозец сковал коркой землю, и она укрыла всходы. Тогда я прошлогодний чернобыльник наломал вот в этом овраге и отварил. Как суп получился, я давал детям и жене есть. Ещё кору липы отваривал, и мы пили это. Дети худели на глазах. Жена ещё кое-как держалась, но стала злая, раздражительная, она меня никогда раньше не упрекала, а тут любую мелочь ставила мне в вину. И во всём нашем селе тоже был голод.

Я пошёл к другу Степану, чтобы занять у него немного муки, так как он жил бобылём и держал даже собаку. Когда я подошёл к его дому, то увидел эту собаку во дворе и удивился: одни мослы, рёбра, как растянутая гармонь, голова больше тела. Мне вспомнилась поговорка: «Бывает, и хвост собакой виляет». Действительно, она при виде меня вильнула хвостом и закачалась. Я вошёл в дом, друг мой лежал на кровати и кого-то ругал: «Последние полмешка муки украли, а Полёт, гад, даже не гавкнул! Как теперь жить, ума не приложу!» «А я к тебе пришёл немного муки занять», – тихо сказал я. – «Говорю тебе – нету её, было полмешка – какой-то гад украл. Не знаю, как дальше жить, чем питаться». «Что ты собаку-то держишь? Кормить нечем, а ты держишь». «Я б давно её отпустил, да боюсь – поймают, съедят. Мор по селу идёт знаешь какой?! А хоронить покойников у людей сил нет. Похоронную команду прислали, чтобы умерших на кладбище возить...»

Но я не слушал его: думал о том, чем мне теперь кормить семью. И тут меня осенило: «У тебя ж собака есть, давай её зарежем и съедим». Зря я сказал это. Друг встал – страшный, мосластый, глаза на лице огромные ... Он не заговорил, а зашипел на меня: «Очумел! Друга я зарежу – для того лишь, чтобы неделю прожить?! Вот поэтому не отпускаю его, знаю – есть такие, как ты, у нас в деревне». «А что я такое сказал? Скотина существует для того, чтобы её есть» – начал оправдываться я. «То скотина, а то друг – различать надо. Топай отсюда! Ты не хуже Фёдора. Говорят, что они с женой детей своих едят». «Врут! – продохнул я. – Откуда знаешь?» «Сорока на хвосте принесла в лице Фёклы. Говорит, что зашла за солью к ним, а они из печки на большом противне тело ребёнка достают... У неё – волос дыбом, выскочила сама не своя. Да чуть сама не погибла: в голодном теле сердце всегда болит...»

Я попытался остановить рассказ старика:

– Может, мы о ребёнке-то пропустим? Смерть детей описывать в литературе – это дешёвый приём, а тут мало того, что умерла, ещё и родители её зажарили. Я же не детективщик.

– Я не разбираюсь в литературе, хочешь – пиши, не хочешь – не пиши об этом. Дело твоё. Но ушёл я тогда от друга, ветром качаемый. А мудрить тут нечего – главное, это правда. – И он продолжал: – А друг мой схватил нож со стола и шагнул ко мне. «Ты что?!» – испугался я. Когда вокруг смерть ходит, легко поверить, что она настигнет тебя. «Ты что, ты что?» – Я пятился от него. «Не бойся, пошли к собаке», – позвал друг. Он впереди, я за ним, кричу: «Постой, чашку надо взять для крови, чтоб ни капли не пропало». Он остановился и сказал: «Если бы жизнь продолжалась, ты хорошим гадом стал». «Почему?!» – возмутился я, поражённый. «Почему-почему?...» Он вышел, опёрся о притолоку рукой и стал тяжело дышать. Нелегко достался ему этот выход. Потом заковылял к собаке, Полёт заскулил... Всё, конец ему, подумал я и обрадовался: сегодня буду есть мослы с мясом и дети будут суп хлебать. Нож-то у него в руках... Друг доковылял до собаки, встал перед ней на колени, поцеловал её в лоб и сказал: «Прощай, друг». Поднял нож, поддел под ошейник и дёрнул. Собака, освобождённая от ошейника, дёрнулась, радостно забегала вокруг нас и побежала, шатаясь и неуверенно переставляя ноги. «Живи, друг, – сказал Степан. – Надо было давно отпустить тебя, когда ты в силе был. А сейчас могут поймать... Не думал я, не гадал, что доживём до такого времени...» Я, весь поникший и обессиленный, не прощаясь, пошёл домой. До сих пор душа болит, что не попрощался с другом. Знал же, что умрёт...

С горя у старика что-то забулькало. Он сжал тонкие губы и долго глядел на реку, на противоположный берег, и заговорил.

– Вот как сейчас вижу. Вот здесь, ну чуть подальше, трое моих дружбанов утопли из-за куска хлеба, – продолжил старик.

– Что они, топили друг друга из-за куска хлеба?

– Нет, не топили. Прошло уже два месяца с того момента, как голод начал косить людей в деревне. Похоронная команда работала день и ночь. Так вот, эту команду кормили и поили, сытые жеребцы были. Слабый-то землю не выроет, сам упадёт в могилу. Хлеб-то они мели вволю и щи не скоромные ели, а с мясом. Потому что наладили одного из своей команды ловить сусликов. Их много в ту пору развелось. Воробьёв-то всех мы к тому времени поели, а сил таскать воду, чтобы выливать сусликов из норы, у нас не было. А у них были. Так вот, про друга-то я тебе рассказывал, с собакой... – Он остановился. – Да, сильный был человек. Умер он, дурила, а перед этим собаку свою отпустил, не стал её есть. А ведь мог за счёт неё месячишко ещё пожить. А собака-то стала искать еду в деревне, ну и забрела в то место, где столовалась похоронная команда. Как уж она умудрилась полбуханки хлеба у них стащить? Ну, повар – за ней, она – от него! Ты понимаешь, что такое хлеб в зубах у полудохлой собаки? Каждый верил, что он поймает и отымет хлеб. Человек десять бежали за ней и орал: «В кусты, в кусты сирени её давай! Там мы её поймем и зажмём!»

А у нас такая сирень была! Как зацветёт, от красоты и запаха закачаешься. Вот люди и решили собаку загнать в сиреневые кусты и там поймать. Но ведь собака – четыре ноги, а они – ослабленные, полуживые. Я-то жил на краю села, а они с другого конца её гнали. Ну вот, пока они бежали за ней, четыре человека и отдали Богу душу. Некоторые, обессилив, отстали. Продолжали бежать только трое мужиков...

Я сидел в это время возле дома на гранитном камушке и думу тяжёлую думал: надо идти воровать. От этого меня оторвал крик: «Держи её! Не пущай!» Я вскочил и встал посредине улицы, раскинув руки. «Ну, – думаю, – сейчас я её схвачу!» Но где мне, совсем ослабшему? Собака проскочила мимо меня и побежала через луг к реке. Мы – за ней. Фёдор бежал и ругался: «Вот ведь гад какой – Степан-то! Сам сдох, а собаку отпустил – ни себе, ни людям не дал».

Но голод сказывался и на собаке, и на нас. Она прибежала вот к этому самому берегу и, положив кусок хлеба на землю, села и повернулась к нам. Мы воспрянули духом: теперь она наша вместе с хлебом. Растопырив руки, мы полукольцом пошли к ней. Собака зарычала, схватила хлеб и прыгнула с берега в воду. В горячке три моих одногодка прыгнули за ней. Но она – собака, вынырнула с куском хлеба, взвизгнула оттого, что хватанула через хлеб воду... Она поплыла с этим куском к другому берегу, а три моих товарища барахтались и кричали: «Помогите! Помогите!» Что я мог сделать, какую помощь оказать? Я сам не прыгнул потому, что упал возле берега обессиленный. Это и спасло меня. А они камнем пошли ко дну. Собака же положила хлеб на берег, зарычала, глядя на реку, и быстро съела хлеб. Недалеко от берега столбиком стоял суслик, и собака побежала к нему, но, не добежав до него немного, заскулила и стала кататься по земле. Инстинкт ли сработал или она переняла это у другой собаки, но она стала ползать на животе... Хлеб чуть не сгубил её. Голодный желудок не любит, когда в него нагружают много еды. Через некоторое время собака встала, потом снова легла и поползла к суслику. И я подумал: «Если она добывает еду таким манером, то и я буду воровать, чтобы жить». Но одно дело – думать, а другое – делать...

...Мор начался у меня в семье. Первым умер сын Васька. Он был худой, измождённый, мослы обтянуты кожей... Он, видно, чувствовал свою смерть и просил своего брата Ивана при мне: «Ваня, иди кусочек хлеба мне принеси. Ты думаешь, я умру? Принеси, я поем, и мы с тобой пойдём на речку купаться». Потом он вытянулся и затих. Ванятка в страхе попятился от него, а я, крикнув жене: «Валя!», кинулся к нему, поднял, прижал к себе ещё тёплое тельце.

Из моих сухих глаз по щекам побежали слёзы. Подошла жена, посмотрела на меня, потом на ребёнка... «Слава Богу! Ангелом будет там, на том свете. Все младенцы ангелами там бывают, – сказала она и неожиданно зашумела на меня: – Чего глядишь?! Доставай скатерть посконную из сундука и стели на лавку. Схороним как положено, по-христиански».

А с печки на нас смотрели не лица, а черепа с глазами детей. Одна малышка сказала: «Мама, что с ним?» «Ничего, доченька. Сейчас мы его обмоем, на лавке полежит, свечку ему в пальчики вставим, а потом схороним», – тихо ответила жена.

Почему она не заревела белугой? Я-то по жизни так – то ли верующий, то ли так, а она-то верующая была. Может, её мысль остановила: ангелочком ребёнок на том свете будет. Я часто думаю о том, что женский вой по детям не разорвал грудь матери-земли лишь потому, что они верили, что их дети будут на том свете живы-здоровы и в услужении у Бога. Глупость, конечно, но для верующего человека надежда, что Там будет хорошо, смягчает боль. Я понял это и повторил: «Да, в райском саду будут бегать, гулять, цветы, как у нас на лугу, будут рвать». «Замолчи, – зашумела он, и слёзы рекой. Я прижал её к груди и шептал: «Не надо, не плачь, слезами горю не поможешь. У нас их тринадцать осталось...» «Какой палец ни укуси – всё равно больно». Она перестала плакать, вытерла слёзы.

Я постелил посконь, положили нашего сына на лавку. Всё чин чинком, как положено покойнику. Жена прочитала над ним «Отче наш», вот и всё соборование. А к вечеру уже пришла похоронная команда. Их было четверо. Поздоровались они, завернули его в посконь, один из них – мордастый такой, симпатичный, я его запомнил, взял его молча и пошёл к двери. За ним вышли остальные. Провожать сына на кладбище мы не пошли. Кладбище было километрах в семи от села, если бы мы дошли туда – и нас бы схоронили. И они на лошади, на рыдване, увезли наше дитя. До сих пор не знаю, где его могилка.

...Жена молча сидела на лавке, смотрела на меня, а я смотрел на неё. И вдруг она зашипела:

- Наклепал, а кормить не хочешь! Хоть умри, но еду достань! Или я тебя сама убью!
- Окстись, Валя, что ты говоришь?! Ну где я еду достану?
- Где угодно! Ты в семье добытчик. Добудь!

Я молча вышел из дома и присел на камень. Вечерело. Перламутровая заря с розоватым оттенком омывала край земли. Горизонт был невыразимо красив. Но сумерки быстрой тенью набегали на день, и густая тьма скрыла всё вокруг. Во двор вышла жена, присела на камень рядом со мной, положила голову мне на плечо и сказала:

– Прости!

Я обнял её...

– Понимаешь, Стёпа, – сказала она, – всех мы не прокормим. Умрём все – и ты, и я, и дети. А любой родившийся на Земле человек должен оставить потомство. Всех мы не спасём, но троих мы должны спасти.

И столько решимости было в голосе жены, что я испугался и прошептал:

– Подумай, что ты говоришь?! Уж лучше нам всем туда, это будет, как говорится, почестному.

– Нет, я умру – и стану едой для детей.

– Ты что?! – впервые за много лет закричал я на неё. – С ума, что ль, сошла?

Глаза у неё от злобы расширились.

У моего рассказчика что-то забулькало в горле, и он глухо бормотнул: «До сих пор не могу себе это простить, что наорал тогда на неё». И он продолжил свой рассказ.

Жена сказала:

– Вон двухвостка, которая в доме бегаёт, сама погибает, а дети её едят. Чтобы они живыми были, себя в жертву приносит.

– Тогда, может, лучше меня? – сказал я.

Врать не буду – от этой мысли, что меня должны есть мои дети, сердце моё захолонуло и горло забил тугой горьковато-жгучий комок.

– Нет, – сказала он. – Ты сильнее меня, ты достанешь пищу. Трое должны жить.

– Да замолчи ты, – заорал я на неё и замахнулся, но вовремя остановился. Прижал её к груди: – Все, все будем жить. Я сделаю всё, чтобы спасти детей.

Она встала, опустила руку на мою голову и сказала:

– Иди воровать!

Опешивший, я смотрел на неё:

– Как ты себе это представляешь?

– Ты не ребёнок, и не мне тебе объяснять, как воровать. А троих мы должны спасти.

Она встала, опустила руку на мою голову и сказала:

– Я не Боженька, но благословляю тебя ради детей наших на воровство. Грех этот за детей наших я возьму на себя...

Ушла... А я как волк, который не ворует там, где живёт, безвольно направил свои стопы в соседнее село, которое находилось в трёх километрах от нашего. Можно сказать, что я брёл без цели. У меня не было плана – чего украсть и у кого украсть. Лишь подойдя к соседнему селу, я решил: надо идти к дому председателя колхоза. Он жил посреди села, и я, крадучись, пошёл к его сараю, но увидел на нём замок. Раньше у нас не запирались ни дома, ни сараи, ни погреба... Но это было раньше, а теперь – голод...

...Я раскрутил проволоку, намотанную вместо замка, и, прикрыв за собой дверь, осмотрелся... Когда глаза привыкли к темноте, спустился в погреб. Увидев горшки с молоком, дрожащими руками схватил один полуторалитровый горшок и начал пить то, что в нём находилось. Видно, он долго стоял, и густые сливки нежными комками заскользили по моему горлу. Выпил всё, прерываясь и отдуваясь. Не знаю почему, но я засмеялся, потом взял второй горшок и вылез из погреба. Я нёс его, почти дошёл до своего села, как вдруг споткнулся и упал... Горшок разбился... Я начал проклинать себя, свою жизнь, мать, которая меня родила, и Бога... Я не знал, есть ли Он или нет, но богохульствовал, как говорится, он попался мне под горячую руку.

Я шёл домой, и желудок мой ныл, но рези не было, я не катался от боли. Жена была в горнице, когда я зашёл в дом, она только и спросила:

– Ну?

– Разбил... – вымолвил я.

– Недотёпа! – взвизгнула жена. – Чего разбил-то? Голову о камень?

– Горшок с молоком.

– Где ты его разбил?

– Да недалеко от села.

– Так пойдём быстрее туда, с земли молоко соберём.

Подошли мы к тому месту, черепки там только лежали, а молоко было кем-то уже вылизано. Лисой или собаками, не знаю.

– Иди и принеси другой горшок! – приказала жена. – Там есть ещё?

– Да, есть.

– Так иди и принеси!

– Так месяц вон появляется...

Жена глянула на небо:

– Чёрт его дёрнул появиться... Голодуй тут до завтрашней ночи.

А через день мы схоронили дочку Ньюку... По всему селу дети стали умирать один за одним, и наши тоже. Когда умер наш шестой ребёнок, жена даже молитву свою любимую «Отче наш» не смогла прочитать. Аким, так звали похоронщика, сказал:

– По обычаю, хоть она и ребёнок, но должна на лавке полежать, хоть без простыни...

Но потом посмотрел на нас, немощных, взял ребёнка за худенькие руки, поднял, подставил холщовый мешок и опустил в него тельце.

– Вот такой теперь у нашей власти саван для детей, – горько усмехнулся Аким и осёкся, стал воровато оглядываться: за такие слова и посадить могли.

А я заметил, что моя жена вроде умом тронулась: безучастная ко всему, равнодушная стала. Мне было очень тяжело на неё смотреть, и я уходил из дома. Как-то раз, когда я сидел на своём любимом камушке, увидел я у соседа какое-то шевеление сквозь открытую дверь сарая. Подошёл к двери сарая и увидел, что на соломе лежит девочка лет десяти с закрытыми глазами. У неё были широко раскинуты ноги, сукровица текла между ног... Отвернувшись к стене, застёгивал брюки тот самый мордастый парень из похоронной команды. Возле девочки лежал хлеб. Я хотел попросить хлеба, но какая-то женщина прыгнула на меня сзади и зашипела:

– Зачем пришёл? Кто тебя звал? Хлеб не дадим!

Я не удержал её на спине и упал на карачки. Она слетела с меня, и пока я вставал, буксуя от слабости, она начала пихать в рот изнеможённой девочки половину куска хлеба.

– Зачем пришёл? – снова спросила она меня, жадно глотая остатки хлеба.

Я покорно стоял и смотрел не на женщину, не на девочку, не на мужчину-насилника, а на хлеб, который исчезал во рту женщины. Парень, проходя мимо меня, остановился и толкнул меня... Я качнулся... А он сказал:

– Через неделю схороним. – И пошёл дальше.

Я хотел отнять этот хлеб у женщины-матери на правах сильного. Она, видно, поняла это и крикнула дочери: «Жуй быстрее!» – и сама быстро проглотила хлеб, утробно икнув. Но вдруг она упала и стала кататься по сараю. Девочка безучастно смотрела на мать и на меня глазами – осколками неба. Я повернулся и пошёл. Подойдя к своему дому, прижался лбом к стене и, чувствуя холод кирпича, заплакал. Нет, я плакал не от того, что он насильовал девочку. Она, по моим понятиям, по-своему заработала хлеб... А я не сомкнул пальцы – пальцы мужчины – на его горле, когда увидел, что он изнасиловал её. Слабость помешала мне, а голод поменял все мои нравственные устои. А ещё я с горечью понял: если он будет опять её насильовать, я не причиню ему вреда. Мне было обидно лишь за то, что я – участник этого преступления, должен был получить вознаграждение – кусочек хлеба, а они мне не дали. Вот такие нехорошие мысли были у меня в голове...

Неожиданно что-то кольнуло меня в грудь, сладковато-горький комок подступил к моему горлу, и я не смог его проглотить... Я зашептал:

– Я виноват! Я виноват! Где же ты был, всемогущий и справедливый боже?! Неужели не видишь, что творится? Почему должны умирать дети? Где же справедливость? Почему не накажешь тех, кто сделал голод? Почему матери отдают детей, чтобы над ними измывались за кусочек хлеба. Мы готовы убить друг друга. Как ты жесток, бог! Да имеешь ли ты сердце? Нет, не имеешь! Ты своего сына отдал на распятие, на растерзание. Ты поступил несправедливо. Ты, всемогущий, слаб духом и телом, если не побил врагов своего дитяти. Ты не останавливаешь войны! А может, Тебя вообще нет? Ведь нельзя это проверить. И ты, всемогущий, не смог остановить побоища на Земле? Не сжёг их молнией...

Я начал хохотать и протягивать руки к небу...

– Да нету тебя! – крикнул я ещё раз в небо и упал на землю, сгрёб её пальцами, сжал и продолжал беззвучно плакать.

Боль разрывала мне сердце. Сколько лежал – не помню. Шальная мысль овладела мной: только я один могу ещё выжить... Я зашёл в дом, в сенях взял топор и зашёл в избу, где была русская печь. Жена была с детьми на печке. Увидев топор в моей руке, она спросила:

– Ты чего задумал? Бог и без тебя их возьмёт.

Я глянул на неё, на топор, опомнился и сказал:

– Надо дров нарубить, печку затопить, а то холодно вам там. Пойду я, притолоку в сарае изрублю да печку затоплю.

Я ещё не дошёл до сарая, как вдруг услышал приглушённый детский крик: «Мама!» Я остановился как громом поражённый, бросил топор и кинулся в дом. Зачем жена начала слезать с печки? Она не удержалась, упала и виском ударилась об угол сундука, в котором был наш скарб. Когда я кинулся к ней, она была уже мертва. Я закрыл ей глаза и прислонился головой к её груди. Мне кажется, что она это сделала специально, с умыслом. Потому что видела в моей руке топор, и поняла, что я мог их всех убить. И поэтому она исполнила свою волю: как бы по нечаянности ударилась головой об угол сундука. А я стоял над ней, слёзы не текли из глаз: «Нет, я не буду тебя варить детям...» Нести её на лавку я не мог, кое-как взгромоздил на сундук... Её ноги свисали с него... Я накрыл её занавеской, которой задёргивалась печка, чтоб дети не видели. Я не плакал. Дети заплакали, но я шикнул на них. Их оставалось у меня четверо.

...Когда похоронил жену, почувствовал радость и ужаснулся: до чего дожил! Я вспомнил её слова, когда приходили в наш дом похоронщики: «Трое должны жить!»

А на другой день вечером я увидел всполохи в небе, словно далёкие птицы махали крыльями. Моё сердце забилося учащённо: хлеб, хлеб вызревает! Я зашагал к своему другу Николаю, что жил через пять дворов от меня. Пришёл к нему, а он еле живой.

– Хлеб зреет, – сказал я ему. – Всполохи в небе бесятся.

– Ну и что? – безучастно спросил он. – Чему радуешься? Власти нам его не дадут.

Но я решительно сказал:

– Я выполню наказ жены – сам хлеб возьму.

– А объездчик? – спросил Николай.

– Все мы под Богом ходим. Не вечно же его бояться! Не умирать же нам с тобой!

– Это ты прав! Я думал, ты баба, а ты мужчина, – тихо сказал Николай.

– Сегодня в ночь пойдём, колоски нарежем, – шёпотом промолвил я.

– Приходи к вечеру, – согласился Николай, достал из-под подушки горсть колосков – ячмень, и протянул мне. – Я уже приспособился... Мне-то одному что надо? А у тебя детей вон сколько, кормить надо. Так что вечером приходи.

И я поцеловал его руку, он отдёрнул её:

– Не бабься...

Я зажал в руке драгоценные колоски, засунул руку за пазуху, чтоб никто не видел, и пошёл домой. В сених остановился, половину колосков растёр в руках и проглотил сладковатое, ещё не совсем созревшее зерно. Потом растёр оставшиеся колоски и зашёл в избу. Дети выглядывали с печки – четверо, и я разделил эту горсточку зерна на четверых. Сказал:

– Ешьте, не спешите.

Они съели, и один из них – Ванятка – спросил:

– А ещё есть?

– Скоро будет! – решительно ответил я.

На другой день ночью я не зашёл за Николаем, а пошёл в поле. Оно находилось за гумном, за посадками. Когда прошёл посадки, услышал топот и храп лошади. Я снова нырнул в посадки, затаился и увидел: на рыдване, который тащила лошадь, лежала тёлка, голова её свисала, а на шее словно кровавый галстук. Я узнал в кучере объездчика нашего колхоза, он объезжал поля и днём, и ночью. Жестокий человек был: если кого ловил на поле, бил кнутом. Может, он не хотел убивать, но голодный, обессиленный человек сам отдавал богу душу. Объездчика потаскают в милицию, а затем отпускают.

...Я понял, что ему сегодня не до меня, вышел в поле и нарезал колоски... Набрал как можно больше в большой платок, я понёс их детям. ...На другой день Николай сам пришёл ко мне:

– Вот что, Василий, надо нам зерно набирать с полей, и побольше. Когда хлеб обмолотят, придут энкавэдэшники и хлеб заберут.

– Хорошо, – согласился я, и ночью мы пошли с ним на поле.

Он взял с собой бадик.

– Зачем? – спросил я.

– Для спроса. А кто спросит, – тому в лоб. Если он захочет нас взять, я постою за себя и за тебя, – ответил Николай.

Мы зашли в рожь... Но мы воры-то мы были не ушлые: тропиночку и протоптали. Зайдя почти на середину поля, мы стали резать овечьими ножницами колоски, собирая их в мешки. И вдруг услышали крик:

– Эй, где вы там?

Мы присели...

– Не прячьтесь! Я вас всё равно найду – по следу, – опять раздался крик.

Было слышно, как лошадь приближается к нам. Николай приказал мне:

– Беги! А я его встрену здесь.

Как на грех начал всходить месяц... Я побежал... «Стой!» – раздался крик за моей спиной. Через некоторое время я услышал стук, как будто палкой ударили по камню, и что-то шлёпнулось на землю. Я понял, что кто-то бежит за мной, и попытался оторваться от него. И тут услышав голос Николая: – Подожди, не беги!

Я, задыхаясь, остановился. Подбежал Николай, он был как пьяный.

– Гад ползучий! Кнутом меня, понимаешь, кнутом! Кажись, я ему черепок проломил бадиком, – громко сказал он, наклонился и стал утробно рыгать, потом прошептал: – Домой – ни зёрнышка! В следующий раз сходим. А сейчас нельзя.

На другой день наехала милиция и стала искать, куда делся объездчик. Везде искали, на конях скакали – не смогли найти. Подъехали они к одному мальчику, который рыбачил, и спросили у него:

– Ты тут дяденьку на лошади не видал?

– Нет, не видал, – ответил мальчик и вылез к ним.

– А что там среди поля вороны и сороки летают?

– Да может, зайчишку поймали, едят.

Милиционеры переглянулись и поскакали туда. Они нашли объездчика, вернее, его труп, и начали искать, кто это сделал. И нашли – Мишку-рысачка. В гражданскую, когда красные захватили власть в нашем селе и в соседнем, тёмные крестьяне из соседнего села решили защитить владения графа Львова, который отгрохал им церковь красивой архитектуры. Но красные, узнав об этом, засели на колокольне. Крестьяне отправились к церкви, впереди на белом рысаке ехал Мишка, гордо поглядывая вокруг. Вдруг с колокольни ударил пулемёт, и сразу – визг, крик! Мишка, прижавшись к коню, развернул его и галопом помчался в своё село. Люди, конечно, потом приврали, что он будто бы залетел к себе в сарай и даже там в запале и в страхе орал на коня: «Но-о, пошёл! Красные на хвосте!»

И орал так долго, пока жена не прибежала и не сняла его, полубесчувственного, с коня. А милиционеры всё-таки поймали тогда убийцу объездчика – отца пацана, который показал им место скопления птиц над полем, Мишку-рысачка. Видимо, милиционеры не захотели долго разбираться и схватили его, известного на всю округа защитника помещика, а значит, врага. Мишку посадили в тюрьму, а мы с Николаем продолжили добывать зерно.

А через некоторое время я вступил в колхоз...

КАК Я БЫЛ НА ТОМ СВЕТЕ

(рассказ друга)

Это было со мной на задании, когда наш отряд прикрывал нелегалов. Нас стали преследовать, но догнать не смогли. Мы поднялись на каменное плато, на нём лежали валуны, как стадо коров. На машине не проедешь, чтобы нас догнать, с самолёта-вертолёта нас не увидишь, потому что мы спрятались под них. А бегать мы могли, как борзые собаки. Но зная, в каком квадрате мы находимся, они решили достать нас снарядами.

Когда я услышал свист снаряда, залез под валун, закрыл глаза ладонью, чтоб взрывной волной не выдавило их, открыл рот, чтоб звуком взрыва не порвало перепонки. При каждом взрыве чувствовал, как у меня от страха мороз по коже бегаёт. Обстрел длился долго. Свистели снаряды, и камушки стучали по моему валуну. Потом свист снарядов прекратился.

Я долго лежал: ждал, что снова начнётся обстрел, но его не было. Я чуть-чуть высунулся из-под валуна, чтобы оглядеться. Вдруг снова послышался свист... Я вжался в землю с закрытыми глазами... Свист был прямо надо мной, но взрыва не было. Потом снова свист, и снова взрыва нет. Меня залихорадило. Пронеслась мысль, что я умер, и это душа моя слышит свист, а взрыва не слышит. Я хотел открыть глаза, но не было сил взглянуть на свою смерть. «Где я – в аду или в раю? – размышлял я и ругал себя. – Ты же мужчина, открой глаза! Что случилось, того уже не изменишь».

Наконец я открыл глаза. Низко надо мной летал коршун, это его писк я принял за свист снаряда. Я истерично захохотал. Вдалеке снова раздались взрывы снарядов...

Как же я был рад этим взрывам вдалеке и тому, что я живой и смерть не достала меня!

ЗАГАДКИ УЖА

Однажды летом я решил искупаться, приехал на пруд, поплавал, сел на берегу и увидел лягушек, которые сидели на берегу и, видимо, принимали солнечные ванны. Ветер волну нагонял на них, волна их омывала и откатывалась назад, лучи солнца грели их. Минут пятнадцать наблюдал за ними. Вдруг вижу, ползёт к ним медленно уж, быстро высовывая свой язычок-двуххвостку. Одна из лягушек, посмотрев на ужа, как загипнотизированная, поскакала ему навстречу и прямо перед его носом квакнула... Уж тут же схватил её и стал есть. Мне было видно, как изо рта ужа вытягиваются ноги лягушки... Я от удивления раскрыл рот. Через некоторое время она вся была в уже, а возле его головы появилось утолщение. Тут сверху раздался свист: над прудом кружился коршун. Уж вдруг перевернулся, изогнулся, открыл рот, высунул язычок и притворился мёртвым. Я пошёл к нему, но неприятный запах остановил меня. Я вернулся к машине и продолжил наблюдение за ним. Коршун покружился и улетел, видно, был сытый. Уж ожил и довольно быстро пополз по траве к камышу. Но тут на берегу появился хорёк. Все лягушки сразу же попрыгали в воду...

Мне было интересно, что же будет между хорьком и ужом. Хорёк был не лесной, а домашний гибрид, из тех, что живут у людей. На берегу пруда была сторожка, и он, видимо, уходил из неё путешествовать по берегу, а теперь возвращался. Уж и хорёк встретились и остановились друг против друга. Уж немного приподнял голову, раскрыл рот и зашипел. Хорёк прижался к земле, как для прыжка... Уж сделал выпад в сторону хорька, но тот отпрыгнул.

Если бы это был дикий хорь, то борьба была бы обязательно. «Почему этот хорёк не был загипнотизирован ужом, как лягушка, которая смело пошла в его пасть и перед смертью даже квакнула?» – думал я. А хорёк тем временем убежал, уж тоже уполз... Я сидел и думал о том, что в природе гипнозу поддаются только приматы. «Неужели и лягушка была загипнотизирована ужом?» – долго размышлял я.

Потом я даже написал басню о том, как уж съел лягушку и пополз дальше, а навстречу ему – хорёк, он распугал всех лягушек, и уж укусил его. Хорёк спросил: «За что ты меня укусил?» А уж ответил: «За то, что ты не дал моим верноподданным быть счастливыми, поэтому и накормил меня своим телом». Вывод басни был следующим: есть люди, которые считают,

что другие люди ради них пойдут на смерть, хотя это бывает часто и со многими. Но меня не покидала мысль: неужели лягушка действительно была загипнотизирована? Я разговаривал позже с биологом, и он сказал, что в природе такого не бывает.

Разгадка пришла через много лет. Один лётчик, мой друг, объяснил мне, что уж ползёт очень медленно, а у лягушки зрение устроено так, что медленные движения она не видит, а быстрые мгновенно улавливает и не упускает их из поля зрения. Язычок ужа высовывался очень быстро, она подумала, что это насекомое, и прыгнула, чтобы поймать его. Но вблизи она увидела ужа и от страха квакнула, но было уже поздно: уж схватил её. Этим и объяснялся весь гипноз ужа и его власть над лягушками. Как сказал лётчик, прибор наведения самолёта работает по принципу строения глаза лягушки: слабо двигающиеся предметы или вообще обездвиженные он не видит, но как только увидит быстро летящую цель, не выпускает из своего поля зрения.

ЗАРПЛАТА - ДЕЛО БОЖЕСТВЕННОЕ!

Как-то раз подвозил я женщину в церковь... Она была там певчей. Вот подъехали, а возле храма стоит батюшка. Я остановил машину и стал наблюдать такую картину. Певчая подошла к батюшке и говорит:

– Батюшка, зарплату надо прибавить, а то горло дерём, а зарплата маленькая.

– Что ты говоришь, отроковица?! – отвечает батюшка. – Песни поёте, Бога хвалите, во имя Бога можно и маленькую зарплату получать, раз Бога славите. Ты что, Бога не любишь, мзду требуешь?

– Бога я люблю всей душой, но и зарплату не меньше. Зарплата – дело божественное! Будь добр, батюшка, прибавь, – настаивала певчая.

– Души в тебе, отроковица, нет! – укорил её батюшка.

– Конечно, батюшка, от такой зарплаты она у меня истощала, лёгкой стала и вылетела из меня. Будь добр, батюшка, сделай так, чтобы она потяжелела и в меня вернулась. Зарплата – дело святое!

ВЕСЕННИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Однажды ранней весной я ехал по дороге. Был небольшой морозец. Сбоку от дороги мелькали причудливые очертания зверей из снега. Вот недалеко от дороги возник белый медведь. Он лежал, открыв пасть, и смотрел на меня. Далее стоял белый гриб. Видимо, осенью кто-то обронил клоч соломы у дороги и его накрыл снег, а когда солнце пригрело, снег растаял, ветер обдул его и оставил плотную ложку с гигантской соломенной шляпой. Далее я увидел снежную горку с собачкой на её вершине – грязно-белую и кучерявую. Она задрала голову вверх и, словно что-то там увидев, разинула пасть от удивления. А может, она пыталась выть по-волчьи. «Это потрясло бы меня, если бы она завыла», – подумал я.

Но проехав ещё немного по дороге, я сам раскрыл рот от удивления и остановил машину. Сбоку от дороги стояла причудливая птица на одной ноге, сделанная наполовину из снега, а наполовину из грязи. И держала эта птица палку с набалдашником – тоже из грязи и снега. С носа птицы время от времени капала вода. Всё это природное скульптурное изображение обледенело под солнцем и ветром: палка была похожа на грязное крыло птицы, а сама птица – на парусник с птичьим лицом. Мне захотелось выйти из машины и толкнуть эту причудливую птицу, но я поехал дальше.

Через какое-то время я вдруг заметил необычные снопы соломы на поле: сверху рыжие, а внизу – белые. Видимо, кто-то вывозил солому с поля и растерял её. Она осталась лежать

клочками на поле, а потом превратилась в небольшие рыже-белые копны. Вокруг них виднелись замёрзшие лужи с прозрачными кусочками льда, а между ними кое-где блестела синим цветом вода. «Как ледяное поле из мрамора. Настоящая весна уж близко», – подумал я. А дальше мой взгляд выхватывал белые очертания козлов и баранов, лежавших на поле и вдоль дороги, а также быков. Или, может, это моя фантазия разыгралась?

Когда возвращался на машине обратно, всё изменилось. В течение тёплого солнечного дня снежные фигуры растаяли, поле рябило на ветру синей чешуёй рыбы, в мелких лужах вдоль дороги купались воробьи. Они быстро-быстро били своими крыльями по воде, и брызги покрывали их маленькие тельца. Я побоялся остановить машину и вспугнуть их. По правде говоря, они мне порядком надоели на хуторе своим гомоном, разборками с громким чириканьем и воровством зерна. Они всегда бойко прыгали рядом с нами, когда мы ели, и нахально хватили упавшие крошки хлеба, вырывая их друг у друга.

Я проехал мимо купающихся воробьёв и увидел, что впереди на дороге в большой луже лежит на боку, словно подстреленная, большая птица и машет одним крылом. Остановив машину, я стал рассматривать её через стекло. Она была ярко-фиолетовая, с длинным хвостом, умными глазами и телом, похожим на большую картофелину. Птица повернула голову и посмотрела на мою машину. Я ждал, что будет дальше. Она перевернулась на другой бок и заплескала по луже другим крылом, потом встала, отряхнулась и быстро улетела.

– Будь благословенна, как путник в пути, спешащий домой! – сказал я ей вслед. – Будь благословенна земля, напитавшаяся водой от большого снега, и будь благословенно всё, что растёт на этой земле!

СИНЕЕ МОЛОКО

Семён шел по улице села, вдыхая вечерний воздух, наполненный ароматами трав и цветов, запахами оттаявшей земли... И тут он увидел свою соседку, которая шла впереди. Он догнал её и пошёл рядом с ней.

– Хорошая ты женщина, Валя, – сказал он ей, поздоровавшись.

– Что, завидки берут? – весело спросила она.

– Одна ты, без мужика живёшь... Тяжело хозяйство держать? – воровато оглядываясь, тихо сказал Семён. – Может, мне на чаёк к тебе прийти?

– Некогда мне чай с тобой пить! – отрезала Валя. – Скоро муж мой Гришка с Камчатки приедет. Он там какую-то рыбу горбатую ловит.

– Ты веришь, что он приедет? – с усмешкой спросил Семён.

– А как же! Посмотри на меня! – сказала Валя и в упор посмотрела на Семёна своими прекрасными чёрными глазами.

– Да, женщина ты хоть куда! Поэтому и прошусь к тебе на чаёк. Да и тебе, наверное, ласки хочется...

– Не хочу я свою душу поганить, хоть и нравишься ты мне, – резко ответила Валя. – Да и ответ держать перед мужем придётся, если что случится со мной.

– Что же это он на Камчатке, совсем заморозился, что ли? – спросил Семён, еле успевая за быстро идущей женщиной.

– Если и заморозился, то я его отморожу, своим теплом душу его отогрею...

«Ну-ну, посмотрим, как ты запоёшь, когда... – подумал Семён и остро почувствовал, как ему захотелось обнять её. – Уломаю я тебя, заколдую...»

Валя пошла быстрее, потом оглянулась и увидела, что Семён остановился и смотрит ей вслед. Она понимала, к чему вёл такой разговор её одинокий сосед, и с тоской подумала: «Господи, дай ума моему мужу! Он там за длинным рублём охотится, а того не понимает, что он мне сам нужен!» Вечерами она чувствовала ломоту во всём теле, кровь горячей струёй бегала

по её телу сверху вниз. В такие минуты она ругала мужа, и нехорошие мысли лезли ей в голову: «Может, с соседом сойтись? Господи, прости меня, грешную! Господи, дай мне терпения!» Она металась по кровати в беспокойстве и долго не могла заснуть.

На следующий день после встречи с соседом Валя подоила корову и с ужасом увидела, что молоко синего цвета. Она сразу же побежала к Семёну:

– Смотри, сосед, молоко синее. Наверное, кто-то порчу на мою корову навёл.

Семён глянул в подойник, молоко было действительно синевато-белым.

– Да, плохо дело, – сказал он. – Помогу я твоему горю, только это будет стоить тебе час любви.

– Да ну тебя с твоими намёками! – расстроилась Валя. – Я к ветврачу пойду.

– Иди! Только он не поможет. Это навет плохого человека. Может, пригласишь меня на чай? – снова спросил Семён, глядя на соседку с любовью.

– Да не хочу я приглашать тебя на чай! Я замужем... – гневно ответила Валя и посмотрела на него глазами цвета сизого торна с фиолетовым отливом зрачков в белой оправе.

– Да твой замороженный камчадал врёт, что вернётся. Небось, вмёрз в лёд и никак из него не вылезет. Сколько годков его нет? А ты всё одна маешься, мешки ворочаешь, огород сажаешь... Для кого? Детей-то у тебя нет... Пригласила бы меня на чай, я мужик серьёзный... А там, глядишь...

Валя вспыхнула, стыдливый румянец заиграл на её лице: польстило ей, что мужик к ней липнет. «Может, и правда ласки от него принять? – подумала она и тут же одёрнула себя: – Нет! Ни с какого бока рядом с собой его не вижу! Мне мой нужен». Она сердито хлопнула дверью и ушла.

Через неделю Валя, когда доила корову, опять заметила, что молоко синее.

– Чего это ты нажралась, ведерница? – зашумела она на корову.

Та повернула к ней голову с рогами, похожими на две ливерные колбаски, и с завитками на лбу, и попыталась лизнуть её плечо.

– Му-у-у-у! – замычала корова, выпуская пар изо рта и облизывая свою морду длинным языком, а потом как бы закашляла: – Кхы-кхы-кхы!

– Ты что, заболела? – встревожилась Валя и снова потянула за коровью сиську.

Корова посмотрела на неё большими печальными глазами и начала жевать серку. «Дзинь!» – раздался звук ударившей в подойник струи синеватого цвета.

После этого корова целую неделю стояла во дворе, а Валя даже похудела от дум и печали.

– В лабораторию на анализ молоко отправлять надо, – сказал ветврач, осмотрев корову. – Но кому там нужно одной корове анализ делать? У них дел по горло и без этого. Ты её на мясо сдай, с директором колхоза поговори. А тебе другую корову дадут.

– Ты что – мою кормилицу на колхозную променять?! – закричала Валя. – Да никогда!

– Ну тогда ничем помочь больше не могу, – сказал ветврач. – Твоя корова здорова.

Валя пошла к бабке Прасковье, известной в селе лекарке-знахарке.

– Чем кормишь? Чем посуду для молока моешь? Выжариваешь ли на солнце подойник, банки? Как относишься к корове? – начала выпрашивать бабка.

– Всё делаю, – ответила Валя.

– Ну тогда пойду покроплю твою корову святой водицей да молитву пошепчу над ней. Если есть сглаз, всё как рукой снимет.

Проделав около коровы всё необходимое, бабка Прасковья собралась уходить.

– А чем заплатишь тебе, бабуся? – спросила Валя.

– Если литровую банку масла дашь, то я буду рада, мне для лечения надо. А молоко у твоей коровы через неделю должно быть нормальным.

Она взяла банку масла, перекрестила её и ушла. Прошла неделя... Молоко не стало белым... Валя со слезами опять побежала к бабке. Та забеспокоилась, потому что её престиж как знахарки в селе мог пострадать, и сказала:

– Пошли, милочка, к тебе, я ещё раз попробую полечить твою корову.

Бабка Прасковья опять проделала около коровы свои «процедуры» и на этот раз заглянула в кормушку. Там лежали остатки стеблей гречихи... Она взяла один и понюхала – пахло тестом.

– Чем ты её кормишь-то? – спросила она Валю. – Хлебом, что ли, или муку замешиваешь?

– Да какое там!

– Значит, хлебом не кормишь...

Прасковья задумалась, рассматривая стебель гречихи своими подслеповатыми глазами и время от времени оглядывая Валю внимательным взглядом. И тут её осенило...

– Женщины ты, Валя, красивая, в соку, – сказала Прасковья. – Живёшь одна... Мужички не пристають?

– Бывает, – ответила Валя. – Сосед вон проходу не даёт...

– Так-так, – закивала головой бабка. – Значит, говоришь, хочет прилабуниться... Вылечу я твою корову, дай срок.

Бабка вышла на улицу и – напрямиком к соседу Вали.

– Хозяин! – крикнула она, зайдя во двор Семёна.

В ответ – тишина. Она обошла двор, заглянула в открытый сарай и увидела там таз, облепленный по краям тестом. Рядом лежали стебли гречихи...

– Так и знала, – сказала бабка Прасковья, поджав губы. – Вот кто синее молоко делает!

Она подошла к дому и постучала в окно...

– Войдите, открыто, – послышался голос Семёна.

Бабка вошла в дом, поздоровалась... Семён предложил ей стул и с тревогой в голосе спросил:

– Зачем пожаловала?

– Нужда меня к тебе привела, – ответила Прасковья и внимательно посмотрела на Семёна. – Ну-ка ответь мне: ты соседку Валю любишь?

Семён опешил, потом с трудом проглотил сухой комок в горле и уставился на бабку, соображая, что ей ответить. Через некоторое время он изрёк:

– Если ты пришла мои сердечные дела вершить, то обойдусь и без тебя!

– Без меня ты не обойдёшься! – категорично заявила бабка Прасковья. – Ну-ка признавайся, зачем ты в сарае гречиху держишь? Зачем она тебе?

– Блины люблю из гречневой крупы в русской печке жарить! – ответил Семён. – Они такие ноздреватые получаются! Вот и запасся с осени гречихой.

– Ты мне тут сказки не рассказывай! – сказала бабка и грозно посмотрела на Семёна. – Авторитет мой на селе хочешь пошатнуть?! Ты зачем молоко коровы соседки синим делаешь?

– Это как же я могу сделать молоко синим? – ответил Семён и покраснел. – Я что, вымя ей крашу?

– Нет, не красишь. Ты даёшь ей стебли гречихи, намазанные тестом...

Семён долго смотрел на бабку расширенными от удивления глазами, а потом спросил:

– Как ты догадалась? Кто тебе сказал?

– Корова на языке принесла, – насмешливо ответила бабка. – Говори, зачем ты это делаешь?

– Хочу через корову заставить Валю любить себя.

– А по-другому не пробовал? Через слова или ласки?

– Да не хочет она меня любить, своего замороженного мужа ждёт. Помоги, бабушка! По гроб жизни буду тебе обязан!

– Ну в этом деле я тебе не советчица, – отрезала Прасковья. – Тут моя сила бессильна. Скажи, откуда ты узнал, что от гречихи молоко синим становится?

– В книге вычитал...

– Вот она, грамотность! – воскликнула бабка. – А я всю жизнь до всего своим умом доходила. Знаешь что, я могу сказать Валентине, что нужен мужчина-колдун, чтобы вылечить её корову. Ты, видно, действительно любишь её...

– Да я с молодости в неё влюблён! – радостно закричал Семён. – Возьми вот деньги...

– Спасибо, не надо. Мне хватает... Деток-то у меня нет... Хоть и хотели мы с Николаем – царствие ему небесное! – их иметь, да не сподобились, – с грустью сказала бабка Прасковья, идя к двери...

Вечером она пришла к Валентине и сказала:

– Сила моя, видимо, иссякает. Не смогу вылечить твою корову. Тут нужна мужская сила...

– Где же я найду мужчину-лекаря? – воскликнула Валя.

– Как где?! А вон сосед Семён!

– Да разве он лекарь?! – удивилась женщина. – Он разве что под юбками у женщин лечить может! – Она осеклась, смутилась и покраснела...

– Не знаю, не знаю... – ответила бабка, уходя. – Но советую тебе позвать его, а то коровы можешь лишиться, своей кормилицы. Поможет Семён, я знаю! Не зря жизнь прожила! – И ушла.

Валентина долго размышляла над словами бабки, молилась у икон:

– Господи, надоумь, как мне поступить? Боюсь я, что пропадёт моя коровушка. Что мне делать? Звать соседа или нет? Он же любви от меня хочет, а это грех! Прости меня, Господи! – И пошла к Семёну.

– По делу к тебе пришла, – заявила она с порога. – Корову мою вылечить можешь?

– Я не ветврач, – ответил Семён, сверкая радостными глазами на Валентину и предлагая ей присесть на кресло. – Но помочь могу. Только это зависит от тебя... Я давно тебя люблю! О тебе мечтаю, тобой живу!

– Не надо мне ничего! – остановила его признания Валя.

Она резко встала и вышла. Противоречивые чувства охватили бедную женщину. Всю ночь она не спала, плакала в подушку, маялась и думала: «Придётся согрешить... Ой, о чём я думаю?! Грех какой! Господи, прости! Что же делать? Как спасти корову? А вдруг Семён спасёт? Надо решаться! Согрешу ведь не душой, а только телом... Спасу свою кормилицу!...»

Наутро она пошла к соседу и сказала:

– На всё согласна, только корову спаси!

Семён от радости чуть не подпрыгнул до потолка и зашептал ей:

– Сегодня ночью, когда луна взойдёт, приходи к копне на гречишном поле... Там я расскажу тебе про секрет лечения твоей коровы...

Через неделю они уже жили вместе...

ЯСТРЕБ

(рассказ Николая)

Пошёл я как-то летом в посадки за грибами, начал искать их в траве и чуть не наступил на грязновато-белый живой комок с кое-где торчавшими перьями. Я сбил рукой мух с его спины, взял в руки и побежал домой. Комок ворочался в моих руках, пищал и больно клевал меня.

– Ой-ёй-ёй! – кричал я, плакал от боли, но из рук его не выпускал.

Забежав в дом, бросил его на пол.

– Вот вам! – только и сказал я поражённой матери и сёстрам.

Они были не меньше меня напуганы этим чудом в перьях, которое неумело проковыляло под невысокий диван и спряталось там.

– Кто это? – спросила мать и строго взглянула на меня.

– Птица кусачая, – ответил я. – Наверное, ястреб.

– А они разве у нас живут? Зачем ты взял его от матери?

– Я его от смерти спас, – гордо сказал я. – Его уже мухи грызли. А мамы у него нет.

– Мама у всех есть! – возразила мать.

– Он там с голоду умер бы, – сказал я и с надеждой посмотрел на мать.

– Ладно, пусть живёт, – помолчав немного, решила мать. – Живая ведь душа!

Кормила птенца мама: отрезала маленькие кусочки мяса и бросала под диван. Мы, малыши, прижимались щеками к полу, заглядывали под диван и шептали: «Не берёт... О-о-о!..», а потом кричали: «Начал есть! Ест, мама!»

– Тише вы, напугаете! – отвечала мама. – Водички ему надо! – И мы запикивали крышку с водой под диван.

– Пьёт! – радостно кричали мы, вновь прижав щеки к полу и заглядывая под диван. – Пьёт, пьёт, как курица!

– Скорее, как цыплёнок, – уточняла мама.

И жил наш птенец, наше Божье наказание, как назвала его мать, под диваном до тех пор, пока в доме не появился запах, как в курятнике.

– Фу, чем у вас так пахнет? – задавали вопрос заходившие к нам люди. – Цыплят, что ли, в доме держите?

– Цыплёнок у нас под диваном живёт, – отвечала мама. – Никак его оттуда не выгоним.

Птенец рос и рос и вправду стал похож на цыплёнка-бройлера, только был весь в пеньках. Он постоянно пищал под диваном. Мать бросала ему кусочек мяса, и он успокаивался. Жрал он невероятно много... Мать иногда горестно говорила за столом:

– Последнее мясо отдала птенцу. Ты бы, отец, заколол подсвинка.

Отец вздыхал и шёл выполнять её просьбу. Однажды к нам зашла соседка и, принявшись, спросила:

– Чем это у вас воняет? – И села на диван.

Мать хотела предостеречь её, но было уже поздно...

– Ой! Больно! – закричала соседка и вскочила с дивана.

Из-под дивана появился шипящий птенец, раскрыл крылья и заковылял к ней. Соседка с испугом посмотрела на него и попятилась к двери.

– Ой-ёй-ёй! Что это за злой бройлер?! – закричала она и шмыгнула в дверь.

Мы испуганно посмотрели на мать. «Теперь она точно скажет, чтобы мы отнесли его в лес», – подумал я. Но мать упала на диван и зашлась в смехе. Мы тоже засмеялись своим звонким детским смехом. Птенец зашипел и нырнул под диван.

Через некоторое время запах в доме стал невыносимым. Отец с матерью перенесли диван в другое место, но птенец перековылял под него. Мать вымыла водой с порошком прежнее место его жизни, при этом её мутило. Она даже сбрызнула освежителем воздуха это место, но ничего не помогло. Запах продолжал исходить из-под дивана. Сидеть на нём было просто невозможно. К тому же и ноги надо было подбирать, потому что птенец щипал их. Родители решили вынести диван на улицу и помыть его, а птенца тоже выпустить на улицу. Так и сделали. Он сидел на старом сундуке во дворе и на всех шипел. К великому ужасу матери, птенец, когда его запускали на ночь в дом, продолжал гадить в комнате. Зловонная жижа, похожая на длинную верёвку, вылетала у него из зада, когда он шёл к тому месту, где стоял диван. Дойдя до него, он садился и закрывал глаза – засыпал.

Со временем птенец вырос, оперился и превратился в красивую птицу: белый цвет перьев снизу с ржаво-жёлтым оттенком сверху, крючковатый клюв с жёлтым ободком у основания,

почти всегда открытый, жёлтые глаза и ноги. Он всегда грозно шипел на всех, кто к нему приближался, взгляд его глаз был злой. Он часто всех клевал, причём очень больно, иногда до образования раны. Ястреб стал сущим наказанием для семьи. Его боялись и взрослые, и дети. Пока он спал, мы осторожно обходили его стороной, а иногда даже вообще старались не ходить в комнату. Прежде чем самим сесть за стол, давали ему мясо. Но он часто взлетал на стол, где сидела вся наша семья, опрокидывая посуду, выхватывая куски мяса из чьей-нибудь тарелки своим крючковатым клювом и улетал с ним в свой угол. Дети плакали, если это было их мясо, а взрослые иногда смеялись над выходками ястреба.

Семья вздохнула свободно лишь тогда, когда он стал жить во дворе. Ему сделали дыру под входной дверью, чтобы он на ночь заходил домой. Но когда дверь в столовую была открыта, ястреб продолжал свои «набеги» на стол. Пробовали закрывать дверь столовой, но это не помогло. Ястреб однажды разбил тонкое стекло окна столовой и залетел на стол... На клюве у него была сукровица, а на перьях – мелкие осколки. Схватив мясо с тарелки матери, ястреб бросился к закрытой двери, оставив после себя на полу жирную мазюку из зада. Пришлось выпустить его на улицу. Мать под недовольный взгляд отца взяла другую тарелку и налила в неё щи. Она поела и пошла вытирать жирную мазюку у двери.

– Хапугу и хама воспитали, – укоризненно сказал отец.

– Я старалась, – ответила мать, виновато посмотрев на отца.

Отец пошёл на кухню, послышался скрип открываемого окна, клёкот ястреба...

– Поел, голодающий? А теперь кыш отсюда! – грозно крикнул отец.

Тут же мы услышали звук закрываемого окна, а потом – звук разбитого стекла... Мы вжали головы в плечи...

– Ну вот, – сказал зашедший в столовую отец, – теперь он стекло в кухне разбил...

Он зажимал ранку на руке... Мать бросилась прижигать эту ранку йодом... Отец после этого случая часто говорил, что ястреба надо или о пенёк разбить, или пенёк об него разбить. Мать осуждающе смотрела на него. Но однажды дело чуть не дошло до катастрофы. Ястреб спал во дворе, а отец, проходя мимо него, оттолкнул его сапогом. Ястреб взлетел над головой отца, и он попытался отмахнуть его рукой. Но тот соскользнул с руки и располосовал её до кости. Мать, видевшая всё это из окна, быстро схватила пирожок с мясом и выбежала во двор. Подбежав к ястребу, она бросила около него пирожок. Он схватил его когтями и сжал так, что из него выдавилось мясо. Ястреб наклонился и стал долбать мясо клювом и с клёкотом глотать его.

Мать прижгла рану отца йодом, он сел на лавочку и закурил. Я тоже сел на лавочку и прижался к нему головой. Я чувствовал, что в отце клокочет ярость.

– Она мать, – сказал отец, погладив мою голову, – в ней говорит инстинкт материнства, она эту крылатую обезьяну за дитя держит. Если я с ним что-то сделаю, слёз от неё не обещаться. А шрам останется, но это ничего. Шрамы украшают мужчин. Он скоро сам улетит.

Сердце моё сжалось: мне стало жаль ястреба. Я сказал об этом отцу.

– А ты не жалеешь, – сказал отец. – Лучше подумай о том, какую он нам жизнь устроил.

– Весёлую, – почему-то ответил я.

Отец с недоумением посмотрел на меня и неожиданно расхохотался:

– А мать-то как лицом скучнела, когда он у неё мясо из тарелки таскал! Эх, жизнь: и смех, и грех.

Мы весело смеялись, а в это время высоко в небе парил наш ястреб.

– Ишь красавец какой! – сказал отец, подняв голову к небу, и с гордостью добавил: – Ни у кого такого нет!

Ястреб продолжал жить у нас ещё какое-то время. Правда, появилась новая проблема – с курами. Дело в том, что когда ястреб сидел во дворе на крыше курятника, куры забивались кто куда. Ястреб ходил по двору как хозяин, клевал зерно, которое мать давала курам, потом

взлетал на крышу и начинал чистить свой клюв. «Жик, жик», – несло с крыши, потому что чистил он клюв о шифер. Куры, услышав этот звук, почему-то выходили из своих укрытий, начинали ходить по двору и клевать оставшееся зерно... Петух тоже важно ходил рядом с курами и призывал их к себе, когда находил зёрнышко. Некоторые подбегали к нему и клевали зерно, а ястреб зорко наблюдал за всем этим с крыши.

Однажды, когда ястреб куда-то улетел, куры и петух спокойно разгуливали по двору... Увидев в небе ястреба, петух закричал своё резкое «ко-ко-ко!». Куры спрятались кто куда. Ястреб опустился в середине двора и стал рвать клювом принесённого суслика. Вид растерзанного тела, видимо, заставил глупых кур выйти из укрытий, подойти к ястребу и начать клевать крохи мяса около него. И тут великий любовник и ревнивец Петя так заревновал, что без страха подбежал к ястребу и прыгнул на него. Ястреб мгновенно взлетел, быстро опустился вниз и резанул Петю когтем по спине. Бедный Петя как-то весь скособочился, побежал к курятнику, упал около него, потом поднялся и быстро юркнул в дверь. Ястреб полетел за ним, но у двери резко развернулся, взлетел на крышу и сел около трубы, которая была прислонена к стене курятника. Из курятника послышался шорох... Я видел всё произошедшее с бедным Петей, поэтому зашёл в курятник и увидел его... с маленькой банкой на голове... В этой банке был раствор слабой марганцовки для цыплят, она всегда стояла на притолоке. Видимо, Петя, когда забегал в курятник, задел притолоку, и банка упала ему прямо на голову. Из-под банки несло приглушённое «ко-ко-ко!». Петя бегал по курятнику и был похож на космонавта в шлеме. Я поймал его и снял с него «шлем». Он забился в угол, втянул голову в перья и остался сидеть, как наседка на яйцах.

Я вышел из курятника и с беспечностью мальчишки бросил банку через забор, где была мусорная куча... Что тут началось?! Ястреб заклокотал, поднялся на крыло, сделал круг над двором, с высоты ещё раз громко заклокотал и полетел прочь от нашего дома...

Больше мы его не видели. Кто знает, почему он улетел и больше не прилетел. Может быть, погиб или нашёл себе любушку. Порой мне кажется, что его испугала брошенная мною банка. Не знаю, правда ли это. Знаю только одно: мне жаль пернатого озорника, а ещё мне жаль моего ушедшего детства.

КОНЕЦ ЖИЗНИ

– Вы давно кушали? – спросил врач мужчину, пришедшего к нему на приём.

– Пил варенец часа два назад, – ответил тот.

– Надо не есть четыре часа, тогда анализ будет точный, – сказал врач. – Но всё равно давайте сделаем.

– А вы не перепутаете пробирки? – спросил мужчина. – Как вы определите состав крови?

– Нет, не перепутаем! – ответил врач. – На пробирке есть запись, а компьютер покажет, какая у вас кровь.

Но мужчина понимал, что может быть ошибка в диагнозе, и продолжал сомневаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.